Виктор Іванів

Начало порноромана
Подборка для Permanent Winter
Дом грузчика
The Automnic stories

Подготовительные материалы к собранию сочинений Виктора Іваніва

Выпуск 4

Виктор Іванів
Начало порноромана
Подборка для Permanent Winter
Дом грузчика
The Automnic stories

Москва 2023

Состав, подготовка текста
и примечания
Алексей Дьячков

Дизайн
Кирилл Благодатских
и Анна Наумова

Іванів В. Начало порноромана.
Подборка для Permanent Winter.
Дом грузчика. The Automnic stories.
М.: Коровакниги, 2023. — 66 с. —
(Подготовительные материалы
к собранию сочинений Виктора
Іваніва. Вып. 4)

ISBN 978-5-902945-38-3

© Виктор Іванів, наследники, 2023
© Коровакниги, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

7 НАЧАЛО ПОРНОРОМАНА

13 ПОДБОРКА ДЛЯ PERMANENT WINTER

14 Hymn
15 Камера
16 Чего только не услышишь на улице
17 «Янусик, привет. Я сижу тут и грущу. Или дую на воду...»
19 «Что до него чреватого травмами...»
20 Смерть Искандра
21 «Если этот человек на вас не обернется...»
23 «Когда за теллурической луной...»
24 Календарь
25 «я встретил Ангела на улице Правды...»

26 ДОМ ГРУЗЧИКА

32 THE AUTOMNIC STORIES

33 Октябрь. Диск
37 Черный лекарь
40 Мнежарко и Попивасику
42 Чага не спасет
45 Deutsche Lenka
47 Струйка песочных часов

50 Примечания
61 Источники и принятые сокращения

НАЧАЛО ПОРНОРОМАНА

Женщины купались. Выходили лиловатые из воды, пропуская ее сквозь продолговатые ладони. Солнечные пятна сквозь тени крон падали на лица. Мокрые синие купальники казались резиновыми. Наручные часы поблескивали на песке, браслеты их жглись. По волейбольному мячу стучали кулаками мужчины. Лысые старухи ходили в белых ночнушках. Мальчику пекло голову, буквы на прохладных страницах книги казались большими. Он побрел в сторону пляжа, где сидели голяки, стараясь не смотреть, но в глаза бросались расставленные ноги и бледная пизда между ними, загорелые торсы и белые еще, очерченные участки ягодиц и стоящие члены неподвижных мужчин. Посмотрев немного, он ушел, так и не решившись познакомиться ни с кем.

В субботу в пять часов вечера он был приглашен в гости к девочке из его класса. Она жила в сталинском доме пятидесятых годов. В комнатах квартиры с высокими потолками ждали пахнувшие пылью, табаком и женскими духами «Красная Москва» книги, ножная швейная машинка, тяжелый живот комода, в котором, наверное, таилось глаженое белье, и черное немецкое пианино. Чай был подан в синих чашечках с золотым ободком за овальным столом, к чаю полагались еврейские пирожные и конфеты фабрики «Рот Фронт». Родители расспросили его об учебе по математике и пению — это была музыкальная семья. Потом они удалились с девочкой в ее комнату, где она показала ему старинные монеты. Но начались мультфильмы про утенка Дональда, и в перерыве была реклама и девочка стала мелодично подпевать: «Риглиспермит гам гам гам!» На ней была джинсовая юбка до колен с вырезом позади и белая майка. Две косы стукнулись друг о друга, когда она — уже после мультфильма — встала на табуретку и потянулась за книгой Булата Окуджавы, и он заметил у нее на правой голени густую прядь золотистых волос.

Дома ночью на черно-белом телевизоре он смотрел, задыхаясь, как купалась в ванне, запуская механическую куклу-пловца, скользящего сквозь мыльную пену вдоль ее бедер, и камера переводила взгляд на разгоряченное лицо

героини. Затем появлялся лысый ведущий-француз, который вызывал девушек на маленькую сцену раздеваться, называя их по именам: Виктория, Роза, Люси.

На школьном утреннике он исполнял Архимеда, завернутый в белую простыню, из-под которой проглядывала майка с черным рубчиком на плече. Вместо ванны была деревянная скамья, о которую он больно ударился копчиком, когда произнес: «Я нашел!» После девочка читала про шар под нашими ногами, и когда он взглянул на нее, лицо покрылось краской от тайных мыслей. До ее головы было шагов десять, и черт лица было почти не разобрать, но с этого момента она стала его воздыханием. Он гримасничал для того только, чтобы услышать ее смех. Синие зимние дни наполнялись особенной долготой, окаймляя ее портрет, который рассеивался в воздухе и лучился сквозь все предметы. Он зашифровывал ее имя в химической формуле феррум-йод. Он не мог до конца отдалиться от нее, и с каждым признанием чувство в нем росло, а в ней уменьшалось, он как будто бы видел ее впервые. Молчаливое согласие на преследование — это все, что она могла позволить ему, а о первом поцелуе не стоит и говорить. Ее образ в душе хранился свято, до тех пор, пока длинные взоры близорукой О. не заставили его позабыть обо всем. Верный прежней возлюбленной, он испытывал мучительное раздвоение, теснимый картинами страсти, которые появлялись сами собой, в грезе наяву. Он повторял клятвы и молитвы, но под конец написал тринадцатистраничное двойное признание той, второй, и был отвергнут.

На Пасху выпали мелкие снежные крупинки, в деревьях и в птичьем воздухе, казалось, бегала кровь Господа, и когда он сообщил ей это, то оказалось, что она не верует в Христа и пользуется для обозначения Его имени новым тогда его уху словом «миф». Его молодая вера искала руководства, и первые слова «блаженны нищие духом» в голове нашего неофита, которые он повторял про себя, изо всех сил пытаясь понять их смысл, становились его мигренью, которая росла в его теле, подобно ломкому ртутному деревцу, пересаженному откуда-то извне.

Больше всего его возлюбленная боялась огласки, и потому перед поездкой на остров Кораблик на теплоходе, в зале, где собралась школа для выпускного вечера, он выступил с декламацией и пением под гитару, а потом объявил, что он не любит ее. После его спрашивали, почему ему не нравится И., как человек или как ученица, но он насупленно молчал. Та часть школьной компании, что была для него недоступна, девочки, на лицах которых выступал яблочный пушок девственности, и мальчики, которые говорили преимущественно о спирте «Рояль», из благовоспитанных семей, с презрением и непониманием глядели на него, дурачка, который пришел 12 апреля в школу совершенно босым, и еще писал стихи акростихом в школьной газете, все, конечно, посвященные ей одной.

Минутами казалось что любим
А вы тогда смотрели просто строго
Когда ж он поделился чувством сим
Ах милый друг вы думали немного
Рука его в безволии упала
Едва услышал он ваш дружеский ответ
Вы думали что видели нахала
И уж конечно не ошиблись нет
Частенько день тот вспоминая

И видно не найдя платка
Руками слезы утирая
Искал причины для глотка
Наливки содовой из серого графина
Ему наскучила борьбы за жизнь рутина

Бабка ее, бывшая в родстве с Ласкерами, привезла всю семью из Астрахани. Какие лилии там цвели, как смердели они в память старухи! В зеленых, когда тучи, и синих в ясный день глазах девушки зрачки были темны, как два новолуния. Она чтила святых отцов и не была одной из наперсниц Эрота. Учительница повела ее на «Империю чувств» в десятом классе, вместе с другими, сама она любила со-

блазнять мальчиков. После были поцелуи возле захоронения праха Дуси Ковальчук в сквере в память героев.

Он познакомился с нею в магазине грампластинок. Рыжие длинные волосы, как позже выяснилось, были крашены хною. Но она откладывала продолжение знакомства, а к тому времени, когда это все же произошло, уже успела потерять девственность. Они читали у нее в комнате про умирающих возлюбленных, про месмерические опыты, и тени высоких деревьев падали на страницы. Изучение английского языка сопровождало уроки любви. Книга учила их любви Господней.

Один раз она заперла дверь своей комнаты, показав ее синий с оранжевым рисунок, и села, розовая, у его колен. Но он настолько трепетал, что не смог даже прикоснуться к ней.

Он писал разные злобные записочки, а однажды показал запись в ее дневнике ее подруге, где та характеризовалась не с лучшей стороны. Он сворачивал эти записочки в трубочку и клал в коробки из-под зубной пасты «Фтородент». Как раз перед этим он стоял жалкий в ее дверях и сделал каменное лицо, когда она, метнув огненную молнию глазами, поцеловала его. В нем была та холодность, которая заставляла его любить свою смерть.

На замерших губах последний поцелуй
Октаву малую укрыло одеяло
Так незаметно тенью по столу
Аквариумна рыбка просияла
Шептались мама и сестра: тому мальку
Евангельский урок дала большая рыба

Ласкает слух и белому мелку
Аскавшего пловца доски кариба
Сегодня долог день скелетовы часы
Косятся стрелками на башне панорамы
И спящие сорвав свои чепцы
Надели утром белые панамы
Однако даже полный стадион и в
Йом Киппур что твой синедрион

Жара спадала. Тела оплывали как свечи. Она спала с занавешенным желтой шторой окном, тонкие простыни липли к телу, синели мокрыми пятнами. Она словно выскальзывала из кожи, но разлепляла пальцы как пропитанный ядом пергамент. Лежать было томительно в печи воздуха, лень было закрыть глаза, а открытыми не было сил смотреть на копоть неба. Грудным и мужским голосом она запела. После вышла на горячий балкон и закурила, долго сплевывая слюнную нитку.

В этой комнате умерла ее мать. Теперь же она оставалась только в ее теле, как сера на спичке, словно говоря не своим голосом: ты большая. И она стала носить материнские платья шелковые, красное и зеленое, вместо своей желтой майки, из которой покачивалась белая шея с пухлой железой и со стриженной головой, тонко очерченным носом и кошачьими глазами под египетским лбом. Говорила она медленно, не оборачиваясь, словно отвлекшись, сосредоточенная на ином.

Он встретил ее в баре, там она пьяная и закрасневшаяся пела, а потом познакомила со своим мужем, на плече которого сидела ручная длиннохвостая крыса. Таинство смерти исчезло с ее лица, ставшего невинно-развратным, из-под его печати сочился сок порченной крови, так что ему померещились веселые блядки. И он с тоской вспомнил, как подарил ей большой апельсин, и морозный хруст новогодних оберток, и хрупкий золоченый шар, в котором отражалось лицо как, в комнате смеха, и смерть сама превратилась в скелета из комнаты страха.

Из пальца брали кровь он онемел
Рука раскрытая не для гаданья ноет
И разум твой как обморок омел
Накрыт пчелиной песенкой шальною
А если медом мажешь ты уста

Когда б не горек был кагор твой сладкий
Оглянешься и сосчитав до ста
Раз перекрестишься и снова эти прятки

Отроческие письма получив
Ты поджигаешь пух тогда и щеки
Алы и буквы темные лучи
Едва выводят и они жестоки
В них слово лилия обнажено
А твое тело будет сожжено

ПОДБОРКА ДЛЯ PERMANENT WINTER

Лн. К.

Хожденье на ходулях по холодку иль по земле нагретой,
прямохождение, когда луч солнечный преломит костыли,
на крошки хлебные и на плевки глядят Ганс с Гретой,
как дождь слепой глядит на донышко вдали.

Кто к ним один приблизится по тропке лицезренья,
кого подкинут к ним: рябь или волос к волоску
он подойдет, одна к одной, как крест сестре из Армии Спасенья,
и как покорность пароходному гудку, —

не так как юбка вам идет, и ни как орден ветерану
на щелбаны — на сковородке подогретое яйцо,
ни флаг Японии; ни тот, в который после ванны
завернут был Марат: как — путать хлеб с мацой.

Но если ни в одном глазу лицеприятия в рекламе,
в Дому Терпимости меня потом не узнают;
за мною от тебя с тобой мне... Ангел посылаем
после двух-трех судимостей в наш город Бейрут.

Есть те, кто спят, кто любит корм без Утешенья —
шатен утешится, Младенец алчет молока:
кто был на крыше техники и тишины не зная пенья:
друг через друга мы пройдем как облака.

Прямохождение и королевская осанка длань и мышца
беспамятства в наш род в наш двор в наш РОВД не принесли, —
пускай хор мальчиков поет Осанна в Вышних,
в нижних чинах кто бережлив тот и стыдлив.

Комментарий:
6 катренов жмжм. Рифмы в основном точные. Акцентный стих, 5–6 иктусов, доминирует 5, интервалы — от 0 до 5 безударных. В трех случаях встречаются 3 подряд ударных без интервала («когда луч солнечный», «глядят Ганс с Гретой», «пускай хор мальчиков»). Последняя строка каждого четверостишия тяготеет к двусложности (ямбочности: «как дождь слепой глядит на донышко вдали», «и как покорность пароходному гудку», «завернут был Марат: как — путать хлеб с мацой»). Деформирующие отклонения в трех последних: «после двух-трех судимостей в наш город Бейрут» — за счет переакцентуации лишних слогов, «друг через друга мы пройдем как облака», «в нижних чинах кто бережлив тот и стыдлив» — за счет переакцентуации в началах строк.
Тема стихотворения — ожидание встречи двух детей, Ганса и Греты, которая разрешается в четвертой строфе появлением Ангела. Ангел символизирует их детскую любовь, любовь близнецов.

Во осветленном лесу сладкое слышалось пение
голос Лемешева сам доносился откуда-то
ветра порыв слова доносил перевернуто кенарь
сам себе вторил как бы из-под плиты
стук равномерный от ударов мяча раздавался
рядом с пением сливаясь как будто
как будто бы в горле одном
это вперед безоглядно бежали пернатые дети
или к рамке назад свои отводили полки
каждый из них а не только володя пинигин
словно не знал что стоит он на илистом дне
быстро змея пробежала в рядах замерших мальчиков
так ведь могло показаться
если б в замочную скважину кто-то за ними глядел
стук же мяча прекратился на миг словно кукушки
краткого плача на дни томительный счет
те лишь поймут меня однажды кому приходилось
видеть и слышать в полете сдавленный камеры вой
взоры свои обратили к земле тесно сгрудившись дети
вниз где пораженный страшной икотой володя
встав на четвереньки полз словно умерший из земли
утра другого я шел сквозь аляповатые блики
когда Володи и Владика два имени вспомнились мне
в шествии участвовал я когда и провожал взглядом
пионеров что пионы несли в траурной рамке вождю

Комментарий:
дольник, который выходит на очень отдаленный дериват элегического дистиха (гекзаметр + пентаметр). Задумывался как ложный гекзаметр.
Рамка — ворота на футбольном жаргоне. Володя слышит вой камеры — так называется мяч. Но рамка и камера — также относятся к фотографии.

Давно ли ты видел из 4-й квартиры
Глафиру Андревну, пенсионерку
с голосом пеночки, страдающую от полноты?
днем горит свет у нее, и кажется мне,
что ходит макака при полной луне:
посмотрится в зеркальце, понюхает табакерку,
все ходит и ходит по комнате до наступления темноты.

— Ведь мы отошли далеко от подъезда:
и без того квартира мала,
ужель не бывает похожего жеста?
ее я видел давно, она, наверное, уже умерла, —

не помню, в зеркале разве себя не увидишь, —
завела обезьянку, и у тебя была кошка своя, —
или ты хочешь, чтобы она тебе пела на идиш
голосом птички, кажется, соловья?

видать, позабыл ты и старика Майкопара —
который похож на крота был вплоть до слепоты,
а свет днем, ты скажешь, предвестье ночного пожара?
мне кажется, просто стали дни коротки.

Комментарий:
дольник в чередовании с амфибрахием. В зеркале увидеть можно все, что угодно, кроме себя самого. В центре стихотворения — обман зрения и памяти, говорящие не могут отличить мертвую старуху от обезьяны. Два подтекста: «Убийства на улице Морг» Эдгара По и Ницше — сцена у зеркала в «Так говорил Заратустра», где человек видит в зеркале обезьяну.

Подборка для Permanent Winter

Если бы глаза мои видели это,
Мое сердце задрожало б от радости.
(неизвестный источник)

Янусик, привет. Я сижу тут и грущу. Или дую на воду.
Зубы мои крошатся, а мозговые спайки
Превратились в паек для жужелиц, летящих по небосводу
Туда, где Ленин играет с Пушкиным в свайку.

Я хотел бы плевать в потолок и бить в ладоши,
Но открыл сегодня «Трибуну Люду», как говорят в Польше,
И услыхал, как мечтают люди о прошлом,
Говорят друг другу, что скопировали с груди у Леши.

Ну а мне говорят, что я уж не тот, что раньше,
Жмут плечами и окидывают взглядом скользким.
И я вздрагиваю, как при слове «russian»
Или как это еще будет по-польски.

Как будто говорят о человечке стеклянном,
О дрянном сердце, о милиционере Яше —
Человечек спит, человечек пляшет,
Милиционер в свисток свистит постоянно —

Значит, встревожено кого-то предупреждает:
Заберут-заберут или вот забрали, дали по морде,
Словно птице под крышей горящего здания,
Или пусть он там за вас похлопочет, а мы рассмотрим.

Если бы ты это видел, то уже бы скрестил два пальца.
Если бы глаза мои видели это, то сердце...
Хотите сказать, что видели Парацельса?
Бальзам для сердца, любили португальца.

Ну так вот, у кого под ногтями черней, у кого подушечки мягче,
У кого как, только в чрево к Левиафану
Самолетик летит, человечек пляшет, прыгает мячик,
Николая Второго в зеркале увидала чрезвычайная обезьяна.

Комментарий: ритмически воспроизводится схожая со стихотворением Hymn структура. Стихотворение посвящено падению Twin Towers. Левиафан здесь — государство. Образ стеклянного человечка восходит к образу «евнуха души» Андрея Платонова, двойника человека, который сторожит и охраняет его, а при тревоге вызывает пожарных. Еще один источник образа — «Лиценциат Видриера» Сервантеса. Яша — милиционер (арготизм). Цитаты из Высоцкого: «скопировали с груди у Леши» («Татуировка»), «пусть он там за вас похлопочет, а мы рассмотрим» — из кинофильма «Место встречи изменить нельзя» (слова Глеба Жеглова), «любили португальца» — цитата из стихотворения А. Вертинского (Владимир Высоцкий исполняет эту песню в той же ленте).

Что до него чреватого травмами
в аорту толкает сердечная мышца
кровь и шагает трамваями равными
красными желтыми чего ты боишься —

разве бежать с Голодного мыса
просвечивая наподобье скелета?
дай клетке горбатой немного маиса
она же грудная как келья аскета

узнать в каждом встречном ты хочешь кого-то
кто мнится тебе чья-то копия в сходстве
глядел на тебя словно лик из киота
и ты улыбался ему идиотски

тот образ печален запаян он в память
но ты забывал имен первые буквы
и паника медлит и снова замает
когда так раздвоен язык у гадюки —

под ним цепенеешь и в дудочку дуешь
но ты все равно перед зеркалом голым
один на один самого себя дуришь
воображая что стал ты бесполым

бесплотным — под кожей дрожит твое мясо
не вымолвишь ты ни единого звука
как только начнешь ты безумно смеяться
и звать караул и икать и мяукать

Комментарий:
6 катренов: 1-й — ДжДж, остальные — жжжж. Дольник на основе четырехстопного амфибрахия. 3, 4 и 6 — силлабо-тоника выдержана строго (12 слогов с амфибрахическим чередованием, изредка утяжеления — бакхии и палимбакхии). Наиболее сильные деформации — в 1–2. Во втором стихе 2-го — беспрецедентный трибрахий: «просвечивая наподобье скелета». Рифмы часто приблизительные. Острые анжамбеманы, закамуфлированные отсутствием пунктуации: в 1-м: «в аорту толкает сердечная мышца / кровь...» и строфический, на границе 5–6: «воображая что стал ты бесполым // бесплотным...». Человек превращается в «скелета», затем в идиота, созерцающего икону и не понимающего ее. Затем в зеркале он видит свое тело, что его смешит до впадения в безумие, поскольку полагал себя бесплотным. Созерцание в зеркале травматично, и первоначально вселяет в душу ужас (к этому же относится и караул — утраченный страж души).

Ю. И.

Вот царская глава лежит на траурном помосте
вот черти что несут ее на брег слоновой кости
в большом тазу медяном двор микенский
не рукоплещет рукоблудствует по светски
о чем речет ему негроидная раса?
о том что бреется дитя как tab`la rasa
царь видит небо стало медным тазом
под ним как пред златым иконостасом
падет он ниц и жертвенной пятою
позабывает мир с песчаной суетою

и воины пустынь двугорбые верблюды
в луке изогнутой над дельтой однолюбы
немотствуют и в барабаны бьют часами
царь театральный в зеркало бросает
бинокль свой и золотой костыль вбивает

1 февраля 2003

Комментарий: разностопный, 5–7 ямб. Тема стихотворения — казнь царя, смерть Александра Македонского, поступок Николая I, бросившего театральный бинокль в свое отражение в зеркале, и еще один его поступок — закладка железной дороги. Голову царя уносят черти в Африку, где ее устами вещается загадка ее смерти: ребенок, tabula rasa, бреется (общий корень rasa и raser — бриться). Отсюда же медный таз — легенда рассказывает, что так была предсказана смерть Александра Македонского — когда он увидит медное небо. Опять зеркало, только на этот раз разбитое, в котором ломается образ царя.

Если этот человек на вас не обернется
то он в два конца никак не обернется
и поэтому загадывать не надо
то что он умрет под вашим взглядом
говорят он уподобился животным
замкнутый он сомкнутый и плотный
а призрак и он меняет форму
тело подчиняется покорно
не такой повсюду там и здесь
говорят что он всего лишь взвесь
из пылинок к глазу подступивших
и самих нездешних и небывших

так как непрерывно он дробится
он двойник бескровных птиц убийца
ты его всегда увидишь первым
словно кто-то дергает за нервы
он трясется бешено кривляясь
он клянется что и я покаюсь
он рукой к тебе не прикоснется
если ты заснешь то он проснется
и стоит он на ногах прямых
к месту он прилип а ты привык
словно на поминках по усопшим
он тебе подносит водки ковшик

будут люди на него коситься
если вдруг он перевоплотится
он такой глазастый и зубастый
здравствуй будет долго улыбаться
он прикинется он обернется негром
белым был а оказался беглым
будет сердце долго колотиться
если на тебя облокотится
потому что он всего лишь смерти зверь
ты свои часы скорее сверь

слов не говорит он поминальных
в утренних холодных умывальнях

мимо окон лес плывет бегущий
в голове пусть крови станет гуще
и тогда тебе начнет казаться
то что ведь не может показаться
если он на миг тебя покинет
может оказаться он в Пекине
будет он под небушком китайским
одиноко без тебя скитаться
пред собой не видя песьих морд
кто-то скажет он давно уж мертв
у тебя язык не повернется
повторить пойдем смотреть на солнце

Комментарий:
шести-семистопный
хорей.
Тема стихотворения —
двойник, контуры фигуры
которого исчезают, вну-
тренний образ человека.
Это призрак, который
принимает различные
формы, может вопло-
щаться в чужом теле. Воз-
никает он перед смертью
и воплощается в похорон-
ном ритуале.

Когда за теллурической луной
под лампою следит воображенье
За кровяными венами из рек
На глобусе в неверном отраженье

Как в зеркале я вижу в белизне
Молочной кожи и улыбке белозубой —
мне пальцем безымянным твой близнец
Все говорит что жизнь идет на убыль

В раскрашенных бумажных лоскутках
Вдруг проступает имя под печатью
И вот еще не проглотив куска
Вновь вынужден чревовещать я

Комментарий:
пятистопный ямб.
Имеется в виду лампа теллурия. Происходит гадание, в результате которого узнается тайное имя возлюбленной, что заставляет гадающего отказаться от слов и начать чревовещать.

И Цезарь что глядит на календарь
И дни обводит черным или красным
И красные накалены смолой янтарь
В них мухи черных наступает Пасха

Тугой и гулкий выступил металл
И ухо тонко лопнуло — звоночек
Он кровью с молоком тебя питал
На перекладине звенел твой позвоночник

Пока в зерне себя он созерцал
Ты вскрылся дни сверкали как порезы
И в это воскресенье умер царь
Что закормил себя и кровью и железом

Комментарий:
пятистопный ямб.
В стихотворении сопоставляются фигуры Царя (цезаря) и Христа в их амбивалентном значении, мысль об этом приходит от разглядывания календаря. Всевидящее око царя созерцает его жизнь: кормление кровью (пеликан кормит детей кровью — образ Христа), распятие и смерть.
Тройная оппозиция
Цезарь, Христос, Бисмарк.

я встретил Ангела на улице Правды
держась за сердце правой рукой
я был тогда ленивый и праздный
носил тогда я цветное трико

и Ангел назвался греческой буквой
какой я не помню забыл
и вслед за ним протяжно мяукнув
пронесся черный автомобиль

и голубь вспорхнул в тишайшее небо
и сразу я вспомнил имя его
и стрелка часов повернулась влево
но это было мнимым числом

Комментарий:
пятистопный и четырехстопный ямб.
Тема стихотворения — мнимая встреча с Ангелом смерти, при которой удается узнать его имя. Остановка на улице и созерцание Ангела в несуществующее мгновение.

ДОМ ГРУЗЧИКА

Праздновали новый год
Продолжали в ночь с 1-го на второе
И целый бессонный месяц могли растратить
На счастливые молодильные яблоки
Детской каникулярной беспечностью
И вызовом старшим и мертвым
Новый год без елки
В квартире умершей в тот год тети[1]
Которой внучатым племянником приходился
В год нового тысячелетия
В квартире где холодильник «Мир»
Встречали новый мир
Пол прорубая ногами
С пятого этажа
Пролетами времени[2]
Где бестолковый[3]



Спускался до первого этажа
И катился до самого низу
В пляске дикой
Все переставляя с ног на голову
Шапку растоптав

А потом выкатился на улицу
Запихав себя в этой улицы однорукий рукав
Одноногий жираф
И плясал докатившись до плешки
В мороз
Как вдруг эта новая жизнь

1 Тетя Галли жила недалеко от стоквартирного дома, в нем еще был старинный, с дверцами, лифт, как и в доме на Коммунистической (Чумной Покемарь 201, с. 59–60). *Здесь и далее в сносках этого раздела все комментарии, кроме отмеченных, как редакционные, принадлежат Виктору Іваніву. Сетевые ссылки, данные автором в источнике, заменены указаниями на публикации, содержащие соответствующий текст. – Ред.*

2 Фото Ирины Леутиной.

3 Греховны наши радости. Радость одна — поглумиться над человечком, как это бывает между короткими приятелями. И пробор у него неровен, и шапку все с помпоном носит, а уже в бороде давно, и глаза лупит, словно в рот поебанный. А когда медленно языком ворочает, как не кольнуть. Память обманывает нас, и мы повторяемся: иногда трезвон такой поднимаешь, что по десять раз на дню звонишь человечку пьяненький, так, что посмеется было над тобою, а потом и сон у него пройдет. И захотел бы помолиться, да язык припек к гортани. И потом покажется, что привиделось: окна, менты и двери, как погасил свет и стоял у окна в съемной квартире умершей старухи, и ждал, и дыхание затаил, и слушал шаги на лестнице, и визг тормозов дергал за нервы, словно очки обронил, и стоишь слепой в свете фар (Дневник наблюдений 2011, с. 3). *В источнике текст сноски дан без какой-либо ссылки, т.к. на момент его создания рассказ «Греховные радости» еще не был опубликован. – Ред.*

В ней что-то надорвалось
Что-то оборвалось
И оборвыш которого стали называть обсос
Стал «поебанный в рот»



Но продолжал собирать хуйню
Неправдоподобным богородичным матом[4]
Воздвигая трамвайный гудок
Как треснувшего стакана[5] крик потусторонний
И пожарного петуха
Пробуждающего по утрам
До радостного утра
Так что замирали дети
Но мертвого так и не разбудив

Сегодня когда скоро запахнет елкой
Друг твой вырубил себе коммуналку
С кухней и двумя комнатами
Прорубаясь сквозь сугробы без сна
Для новой жизни
Собрал нас
Десять лет проживших в борьбе и труде
В новой хате
Со светлым углом[6]
Нарисованным в прошлой жизни



4 Выходил потом, покупал папиросы и шел, ожидая открытия главного гроба, ждал, когда вернется дед, и узнавал себя в нем, а в бабушке — смуглую тетку, и как горела ткань платьев от человеческого пота, и как горели глаза и какие беседы бежали из оскверняющего рта, и что произносил, какой богородичный мат, вынимающий из могил (Чумной Покемарь 2012, с. 285).

5 В ночь смерти Сергея Жаворонкова в руках его друга треснул стакан с чаем, второй стакан треснул в ночь ровно через полтора года (В моей жизни 2003).

6 Изба в Санталово, где умер В. Хлебников. Рисунок П. Митурича. Один угол баньки нарисовал В. Хлебников (слова П. Митурича).

Но не до пляски нам стало
Говорили о том
Как нужно нам быть нормальным
И все остальное очистить
Говорил солдат отрубивший
Оттрубивший
Зашибший смерть[7]



батогами[8]



Воспевший личное время
В продольной перспективе
Лучезарного города[9]



7 Пря Аники-Воина со Смертью (лубок, середина 19 в.).
8 Турова Е.И. Солдат и Смерть (Уходит). Вариация на тему драмы В. Хлебникова «Ошибка смерти». 1917. Печатается по изданию: Терентьевский сборник. М. Гилея, 1996.
9 Le Corbusier. La ville radieuse.

Мусорщик[10]
Возжегший
Костром все датое тленьем[11]
Кристальный и чистый
Хрустальный человек[12]
Он сказал
Нужно уничтожить все
Что не является нормой
Не зная словно
Что готовится в крахмальной рубашке
Чистить канализацию
Все уничтожить
И больных глазастых детей ненормальных
И не выебываться
По горлу ножом
На помойной яме
Неубитого государства
Оставаться борцом
За чистоту языка
И человеческой расы

Оставаясь эрзацем
Глухого отъединенного сознания
Но полностью сформированного
Как шапка-формовка[13]



Извне
Будучи представителем власти
И борцом за ее чистоту

10 Ср. юзерпик журнала поэта А. Сурнина (Дядя Мусор).
11 А. Сурнин снял на видеокамеру фильм «Дым», в котором показывается сжигание осеннего мусора во дворе.
12 Строка из стихотворения А. Сурнина «расскажу <...> сказку про нашу жизнь хрустальную».
13 Шапка-формовка на подушке (мужской головной убор, популярный в конце 80-х).

Разбейся
Тьмутараканский болван!

Я ремиссионер
Водрузил в этот вечер
На столешницу лба
Водки жизни[14] своей
Вырывающей душу
Полупустой стакан[15]



Я допью его
И пойму в который уж раз
Что ни он ни ты ни я
С петушьим пожарным криком
И веселым ужасом
С этим ужасом вновь пойму
Проснувшись среди ночи
Что я никем не видим
Что костолом на нас наступил
Что нас нет нас нет нас нет нас нет

14 И пока ночь пылает в стакане двора, осознавал он, что именно эти детали запомнит все до мельчайшей подробности, эти желтые от табака пальцы, и кровавый отпечаток ладони на стене, и то, как переходил с балкона на балкон на двенадцатом этаже, и потом эту Жар-птицу, вынувшую душу и вдунувшую в тело горящую водку страдания, и падение, от которого уползал, валяясь в блевотине, по лестницам и канавам, а потом очнулся, умерев под забором, но утром проснулся, когда прокричал петух... (Чумной Покемарь 2012, с. 261).

15 Кадр из фильма Алексея Германа «Хрусталев, машину!»

Говорит рассказчик:

Бывают дни, когда солнце светит низко, нависая тяжким диском, как будто бы не закатится никогда. Люди словно погружены в приземистый сухой от сметенной раструбами листвы погреб. Кучки листвы поджигают на дне для просушки. Но кажется, что уже не все смогут выбраться наверх, дохнув веселого воздуха. А если кто и поднимется из такого колодца, то тут же грянется оземь.

В такой день встречались ему люди, с запрокинутыми небу головами-солончаками, протянувшие лица солнцу, напоминающие обмылки статуй, сумрачные и молчаливые, бормочущие о своей тени. И тогда он побежал и с разбегу перевернул пустую урну.

Бомжи, стоявшие вокруг, переглянулись и зарычали на него. Он пошел, озираясь назад, в сторону витрины магазина.

Помойки прели арбузным и яблочным мусором, и собаки грызли объедки. Они выбегали неизвестно откуда, едва опускались сумерки. Выбегали гуськом и стайкой на центральную площадь города, и нитка ядовитой слюны блестела у каждой. Но собаки боялись здесь нападать и только поскуливали.

В темноте от коричневатых фонарей начинали болеть и плохо видеть глаза, и надписи названий контор и магазинов читались хуже и по слогам. Они казались такими, словно видишь их в первый раз.

А все потому, что обмыл губы от белены, смыл уксусом пену у рта.

Когда-то он увидел мусорный бакен, из которого, как у акробатена, торчали ноги человека, которые казались похожими на руки в туфлях. Сделав кувырок, акробайтер выглянул из ящика. Веснусчато поморщился и сказал, сплюнув в сторону — чего тебе надобно, старче?

Он передернулся, вздрогнув, и отошел.

Весь день он глядел словно через какую-то сетку, какие

бывают в спортзалах и стелятся по земле. Да, теперь мимо помойной ямы проехал городской голова и велел все убрать. Куда теперь тащить черное пианино, белую, а, вернее, желтую ванну и окна, старые, не раз выбитые окна? Откуда-то прибегали соседи из соседних домов и из этого, которые разводили цветники в автомобильных покрышках, и считали, что мусор надо самим пожирать, голосили, как базарные бабы. Пока его не было, в квартиру вломился молодой когда-то, а теперь запасной со второго этажа и стал приказывать матери, чтобы она исползала весь подъезд, чтобы не осталось ни одной песчинки. В ответ на отказ, не на следующее утро, а так, денька через два-три, он толкнул мать, вернее, это сделала его маленькая задорная собачка. Мать упала в простенок, а он прошел, словно ничего не заметив, на свой второй этаж, нацепив кепку.

Через неделю, а то и через месяц, когда во двор столпилось собрание, организованное как встреча с депутатом-коммунистом, мать сказала собачатнику — я упала. Он сказал: А я знаю.

Рассказ о поездке в поезде и о визите.
Говорит рассказчик:

На пятый день позвонил человек, с которым ехали в поезде. Он сказал тогда, что запоминает тот момент, когда засыпает, а когда просыпается, говорит: здравствуй, мир, здравствуй, солнце!

Когда я открывал глаза, то уже видел его лицо и улыбку, но понимал, что только выскочу из вагона, как опрометью убегу и надолго об этом забуду.

Он был весь, как чайная упаковка, с челноком швеи, ходячей дуги, как горячие утюги. Он показал свое ремесло — альбом из карельского ящичка, свой диплом строителя — как он строил в Хибинах дачные и утепленные домики, где можно угреться. Беломорину доставал и улыбался, улыбался, лучился, в то время как солнышко сучило ногами свет, прокатываясь колесом по деревьям, обдирая о кору голые коленки.

В училище он был борцом самбо и участвовал в чемпионате Алма-Аты. Первенствовать должен был туземец-китобоец. И вот они стоят в раздевалке и договариваются, как показать настоящую борьбу, чтоб зрители увидели нерв захвата. Вот они покурили и отправились борцевать.

В Омске сатаноид-состав остановился. Я быстро побежал в город, где тетушка Таня кормила меня на скорую руку, и мы просмотрели проспект дореволюционной чахоточной девы — Лидочке, которая словно ходит по этой Лидовке сует и тягот.

Вагон отцепляли, и бежать в уборную до вокзала, и не потерять вагон пришлось ему, путешественнику с Карельского перешейка, и дать деру в Находку. На Московском вокзале все деньги отобрали менты. В Новосибирске, проездом к родне, помогать крыть кровлю и ставить печку, за это ему заплатили пять тысяч.

Визит.
Говорит рассказчик:

Пять дней его не было. Но он запомнил адрес и объявился утром в полвосьмого, едва мама успела уйти на работу. Позвонил, и я подскочил, как вся совейская земля. Мы спустились в утренний магазин. Он купил поллитру Дербента, рассматривая туфли, гарнцы и танкетки — сияло дневное солнышко, обеляя лица белым светом от самых ботинок.

И в квартире моей он сидит, как вырубленный из дерева глазастый смолистый и никотиновый идол.

Говорит визитер:

Миропониманием я интересуюсь, начал он, оглядев книги. И процедил заголовок «Спи-но-за» — намять бы ему спину. Жене с детьми посылал деньги в Находку. Думал уже расставаться, пока были деньги, чуть всю Москву не скупили, в мехах ходила, шоколад жрала, а как дальше, говорить сквозь зубы начала. Все мать — ну она знахарка у ней

была. Мне вот сращивала линию жизни — у меня разорвана была — я горел огнем. Не ходи, говорит, убьют тебя тогда-то. Послушал и в тот день не поехал туда, а там убили моего друга. А она знала день, час и описала место.

А в Находке я был бандюком. Сейчас мне есть там работа — открылась должность, буду менеджером. А тогда — был бандюком.

Раз подрался наш один с чехом. Ночью в субботу поехали на кладбище — мы все без оружия, как уговорено. А они с калашами. Отдайте нам его, говорят, а то здесь останетесь. Они резали и били его и через полчаса бросили нам. Повезли к маме. Как она горела вся, но выходила, выправила, словно жар вместо крови утекшей в жилы напустила.

А умирала как тяжело и страшно. Словно вошли в нее все болезни, тех, которых когда-то с того света вернула. Сгорела как свечка и вся почернела. Да, в Находке я был бандюком.

Говорит рассказчик:

Я отправился провожать его на вокзал, октябрьский день бил посуду солнц. В гостинице вокзальной, свесившись с яруса в зал ожидания, он бросил сумку в номер, в светлую комнату с цветными подушками.

Когда спустились на площадь, двинулся к палатке с пивом где сразу нашел себе новых знакомых. Да, и сразу часы переставил. Звали его Валентин.

Больше мы не виделись. Он сказал, приезжай, я тебе оплачу половину дороги — так впустить человека с поезда к себе в дом. Обычно поговорили, пошептались и разбежались. На вот возьми амулет — на нем две стрелы вверх и вниз — полное горение называется, рвет на части, но целым будешь.

Я возвращался назад, деревья вздыбились, как бывшие люди. Я уже не помнил себя и видел гурты домов и телег, в тяжелых шинелях, тревожно косящихся на мечущийся в небе диск.

Вступление. Новогодние праздники.
Говорит рассказчик:

Казематы ночи упали высоко. Мороз бил лицо. Вызывающее лицо. Забирались на крышу в эти дни и дежурили у антенны. И по короткой черной липовой аллее ходили и думали о Кассиопее. Глотали вино «Черный лекарь» — что-то вроде кагора наоборот. И всегда золотились фонарики, и на ногах катались с большой горки, которая перегораживала улицу. Приезжали сестры и большие — девушки старших классов и начальных училищ казались волшебницами. И жрали мандарины.

Мандариновый запах неспавшего двое суток, немытого, тоже знаком. Вот он, почти бредя проносится вихрем, озаряемый огнями помоек. Но бросится на него маленький лев и сожрет целиком.

Но то — летом, и я не об этом.

Бессонные первые три ночи нового года, омытого с ног до головы тела, сменялись синими, как полог, днями в ожидании Рождества, где также ждут волшебства. Вакации заканчивались для многих обмерзанием в сугробе, одурью драк в центре города, куда приезжали первомайские гости. Они падали ровными тенями и волокли кого-то за ноги, сбив с этих ног. Головы их трещали от кумаров и одеревеневших бинтов. Они проносились беспокойно свитой ночного Эллекена, озаряемые луной по небу, а здесь были только их бредущие тени — бессмысленных чертей и бойцов. Русь — ты разбитый нос на морозе.

Портрет одного из «чертей» — богородичный фашист.

Один из таких был богородичным фашистом. Он завесил всю стену цветным и синим полотнищем всех святых. Он был избит твоим другом в парке у «Спартака». Остается только давить огарки, гасить гнев и не выходить из себя.

В один из таких дней первой недели нового года очнулся в квартире горделивой и сердобольной Августы, пригревшей его, каныгу. Мать выгнала его из дома, рассказывали так. Она сама была ученая, а сын все время пил и уже ничего не понимал. 6-го пришли люди, рассказывал присутствовавший. И сказали, как с арестом. Собирайся. И конвоировали на улицу.

Ударил мороз сорок градусов — еще до Крещения было. Его нашли замерзшим на станции.

Рассказ о смерти отца хозяйки (дочери).

Отец хозяйки распорядился оплатить похороны. Еще через год и неделю он лег в больницу с грыжей и умер от разрыва сердца, потому что был грузен и привык ходить, а не лежать.

Отец дочери был памятлив, смел и силен. Когда-то, связавшись и поссорившись с кем-то в нечестной драке двое на одного, он потом ходил и мстил. Подкарауливал в подъезде и бил, но не до смерти. Если бы он прочитал эти строки, то убил бы меня на месте.

Первое сравнение умершего отца хозяйки с другим человеком.

Я мало знал его, но по закаленной неистовой воле он напоминал другого, живого человека.

Тот однажды двое суток убегал в тайге от пожара. Пот не хлестал, а сразу засыхал и испарялся. На второй день, добежав до излучины, они перебрались через большую реку.

Он пережил падение с вертолета с обломанным хвостом. Все переломанные, они были спасены лишь искусством волевого летчика.

Однажды в лесу ему довелось ночевать в лабазе, в котором отоспавшись и поев вволю, он обнаружил под собой полуистлевшие волосы и скелет эвенкийской женщины.

В Финляндии сказали бы, что поел похлебки из Похъелы. То же самое могло быть и с Виталием Леуновым[1] (отец хозяйки), но его не стало.

Второе сравнение отца хозяйки с третьим человеком (A.S).

Я знал других людей, делающих себе жизнь, живших в комнатах, совершавших дальние поездки, их обрядовый строй. В изданных ими книгах можно подробно прочитать о том, как они просыпались, как шли на работу, как выпивали с сахаром утренний чай. Что ели днем и о чем вели беседы. Как они возили снопы книг по всей стране, управляли неводами книжной торговли, чтобы затем описать все эти высившиеся библиотечные полки в огромном здании, вбитом на четыре этажа в землю.

Из окон открывался вид на падающий распадком район, долину реки Каменки, футбольные поля и развязки — дома швейников и чекистов — приземистые клубы и краюхи.

Одного из них (A.S) я встретил последний раз, бредущим с женой через солнце и ветер. Пошел слепой дождь, и у нее промокла шляпка по старинной моде. Он шел углом и косяком мимо паперти церкви и голубых елей, в сквере Нарыма, где установлены монументы жертвам атомных катастроф и репрессий. Там, где солнечная поляна и квадрат на асфальте остаются такими же, как и двадцать лет назад, и пребудет таким даже при неимоверном развороте светил.

Он любил говорить одну фразу с русским, а вторую — с грузинским акцентом. Он так и остался бухгалтером вымершей отрасли телеграфных каталогов. Собрал компанию военруков и армейских чинов, которые составляли не списки погибших и описание воинских кладбищ, а длинные монографии о «науке побеждать». Непримиримая воля его (A.S.), переходившего на крик, когда он приходил и опровергал собой твое существование, до сих пор планирует и оставляет вырванный столб в просторных коридоров крепости чтения. Когда меня спросили, какие библиотеки я знаю, а это был вопрос на экзамене – ты всю

1 В ОФ *черный лекарь. doc* (21.12.2011 19:48–20:14) и всех позднейших источниках, включая многочисленные СФ и Чумной Покемарь 2012 (с. 307), отца хозяйки зовут Виталием Луневым. – *Ред.*

жизнь должен готовиться к экзамену, а я его провалил, ответив — знаю библиотеку для слепых.

Спускаясь в глубокий погреб архива, я сумел прочитать не только описание того, как жили писатели и ученые, как они ели и о чем разговаривали — все это было и будет в журналах. Нет, в документах, вынутых из-под земли, были одни доносы, за которыми эхом — расстрел.

Он (A.S.) умер прямо на кафедре, во время своего доклада в Якутске — от инфаркта миокарда.

МНЕЖАРКО И ПОПИВАСИКУ

говорит рассказчик:
1) портрет Пуруши.

Сторожка была возле девятиэтажки напротив Епархии. Последний этаж был для плясок окурушей. Во время одной из подтанцовок Пурушу чуть не раздвоил мне лоб своим — лишь бы не существовало Максима, которого я позже многократно встречал живым. Необретенная любовь недобро посматривала. Позже он взял свое. Пожарный мундир на нем помогал ловить воров, грабивших старое здание. Однажды люди, сходившие на автобус толпой, прошли в толчее по нему, сломали мизинец, который торчал косо. На нем был перстень древнего царства, но он потерялся, пока Дэнище и Вовка тащили его домой. В ту ночь возле муравейника выпили две батареи портвеша.

2) рассказ о Мнежарко и Демоне плодородия.

Мнежарко под чужим именем сторожил сторожку стройки, ночуя в вагончике. Он все это видел. Демон плодородия аккомпанировал на арфе-самоделке — обломке рояля, воспевая любовные подвиги Пуруши. Больше они не видались. Мы понимали, что бить человека по лицу нельзя.

3) рассказ Мнежарко о Витюше и братьях Брюсова и Белого.

Мнежарко и Попивасику побратались позже. А тогда пришел пьяный и будоражный Витюша. Он сказал: у Андрея Белого был брат, и он его бил, бил, бил, ясно тебе? И через полчаса, сходив за чаем, повторил: у Валерия Брюсова был брат, и он его бил, бил, бил, ясно тебе? — хочешь докажу — вот печать и роспись.

4) Рассказчик и Пуруша посещают Мнежарко во время армейской службы в военном оркестре.

Мнежарко ставил печати, измазав все пальцы на военной синекуре в округе. Мы с Пурушей пришли к нему в дом, а с Леонидом были и в музыкальном полку, где они щелкали затвором бильярд.

5) Мнежарко в увольнении из армии (дома на побывке).

Мы с Пурушей принесли Мнежарко табак «Золотое руно» — лучшее, что у нас было — в подарок. Но он встретил нас у родителей Прохладно. Кот Фагоцит, который ел «Приму» и еще не разбился, воротил нос. Мы ушли.

6) Крауч и рассказчик встречают Мнежарко у клуба «Труба».

С Краучем покостыляли в «Трубу», встретив Дису и Мясо (ты Мясо знаешь?) Диса нас отмазал от Мнежарко. Я в первый и последний раз видел Мнежарко в форме, но не при параде. Вы к кому, спросил черноголовый мужик на входе. Мы к Алику. Алик — это я, ответил он.

7) Мнежарко закрывает клуб «Труба».

Мнежарко ворвался к Алику с наганом, так что у того закоротило проводку. Это был последний день подпольного

клуба «Труба». Сейчас он белый. Но нас по-прежнему туда не пускают.

ЧАГА НЕ СПАСЕТ

Вступление. Берлинский Зоопарк, океанариум, воспоминание о поездке в Хакасию (Абакан). Купальская пляска — вакхический папоротник.

Индийские слоны в зоосаде, в незлой осаде гуляют свободно, и жирафки выходят из мусульманских ворот с четырьмя башенками. Желтый сухой лист спланировал, но не рассек лицо. Я видел блудницу ислама с очами зебры, она смотрела на меня подражательно персидских сцен до пленения. Вместо планетария был аквариум — акула, а может, касатка размером с большую собаку, плавала там. Плауны-борщевики торчали сухими тычинами, и белый мрамор, а может, гранит догонял на станции Абаканской сон. Глубоко выкупанная сестра разжала на джезве комнатный страх, как цветок папоротника, и в пляске на меня обернулась.

Авиатор — грузинский поэт Ртвелиашвили на слэме в Берлине изображает самолет руками. Воспоминание о Кожемякине и туберкулезных больницах.

Авиатор планировал руками. Мы не знали друг друга, но виделись не в последнюю очередь. На Котовского, где обходили дома, рыгала Ирина. Ее маковка обломилась мне, она не успела успеть к поминкам тети Аллы. Даня, сожженный соломой туберкулезных больниц, и Алеша-чахоточный, сохранивший свое время и вес, подсаживал ребенка на парапет. Ебнется, будет идиотом, но не исключил и другой вариант.

Постоянные часы: Лейбниц. Опоздание часов-времени — единственное человечное в мире цифр.

Чифиристы прогуливались, селяне пели несусветную глупость. Про постоянные часы, которые все же опаздывают — оставляя полчаса для прощания и встречи — единственное, что осталось от железных дорог, увозящих, навозящих людское бытье.

Кристиан — Дионис (он так говорил). Появление Кристиана рано утром — после ночи четвертой стражи, когда «уходит караул», «кричит петух». Кристиан и вакханки. Пан. Туринский пианист — Ницше.

Я увидел его — укротителя Ариадны, гречанки и гречки, сектантки и сечки. Он обходил весь город, сжигая только последнюю газетку, которую разносил. Он знал всю божескую родословную, но не убивал Радамеса и радугу радуниц. Четыре склянки, четыре стражи минуло, прежде чем утром он явился, не запылился, умытый рассветной росой, повитый бесноватой лавровишней и чащобным мехом панов и вакханов. Он рассказал мне о туринском пианисте, который собирал хуйню против своего отца, и делал все против своих ног.

Я — рассказчик, отвечаю Кристиану. Портрет Гури-Смерти (хозяюшка-пекарша). Баку (там есть Девичья Башня, с которой бросаются гурии). Портрет Вячеслава Иванова (он жил в Баку, у него было прозвище Лев). Рома — Рим (Иванов написал поэму «Человек» и умер в Риме).

Я ответил, что хозяюшка, ключница, пекарша не знала, как придать холодные ночи черному бакинскому зеркалу и болтливому плясуну нефти, нафти, финифти, и великосветских подушек. Лев умолк и вочеловечился в Роме.

Портрет Делона в роли Лермонтовского героя (фильм «Вильям Вильсон» по Эдгару По — Делон там бросается с башни). Обращение к девочке (20-летней Наташе). Украл из-под пятницы субботу — так говорят об одежде.

Здесь в буквальном смысле — После встречи с Кристианом у меня пропало два дня — так как я спал.

Брошенный с башни лермонтенок-Делон не забывал о ней, которая не разбалтывала все о себе, про свой кошмарище и волевой перелом. Поделом. Он украл у меня из-под пятницы субботу, когда мои глаза не ведали ног, что вели.

Портрет Хендрика-факира. Часы бегут в разные стороны — о наших разговорах. Собеседники говорят о разном, но понимают друг друга.

В три печурки, воздевая руки огню, возводил хоровод и холод трупарни и венгерки, светлоголовых дев. Он радовался, несмотря на раскалившуюся головную железку — где кровь опадает по венам. Веселая лемма рептилии утром. Мы бежали наугад друг от друга, топча бумагу в топчане печи и луковицы литер на конторке, полной жгучих жгутиконосцев и факиров. Мы были двое, которые видели краснохвоста, икаруса, соломенный сургуч и омелу с жалом медуз.

Хендрик-Вулкан топит печь. Игра на скачках, песня Waits — epileptic fit like a lassoed horse. Рассказ переходит на портрет Бирюкова. Мертвые ели овощи — на картине Филонова. Бирюков теряет чемодан. Возвращение к теме человечного ожидания поездов — на этот раз на своем опыте.

Растопка для холодных бань и кухонь, свежевымытых незабвенных овощей — которые помнили все, вплоть до пропущенной запятой, а потом перешли через пароход игротеки и знали точную эпилепсию скачек и скотобоен. Тот обмакнул себя в реке, которая вымыла ему память дотла. И теперь полный знания, оброненного с пятого этажа, собирает трохи и крохи. Как мертвому с утерянным чемоданом навстречу он перешел проспект и рекламку, где поезда ждать, где самолета дожидаться.

Медовуха Лотофагов — Бирюков и Хендрик. Встреча с Бирюковым заставляет время идти с бешеной скоростью.

Эта встреча заставила колтун сердца топотать медвежачьи, а медовуху уссыкнуться молчком.

Зарождение человека, угаданное в часах. Промысел, угаданный в этом. Смерть Лидии Чаги (жены Николая Харджиева, издателя Хлебникова и Мандельштама). Арест Иконы Божьей в смертельном прыжке.

Часы стучали и били, и лопали колбы и виски Кобленцем, и все ветры по вектору бросили плоть, которая сама обретается вовремя, и небольшая погрешность часов ведь придумана лишь для гуманизму. Поскольку все, что здесь совершается и о чем поется навстречу и в сторону знает Ка, которого я видел в запрошлую ночь. Чага древесная не лечит раку, и падет срубленная хвостом винтовых лестниц замертво, но арестует икону божью.

DEUTSCHE LENKA

Вступление. Электрический экран, трансляция воспоминаний. Голова под водой — воспоминания, которые приходят от удушья. Самоубийца Гаршин и его полный тезка-учитель физкультуры.

Колокола воевали весь день, благовествуя каждому, кто не утих в спорах. Замок со статуями выходил во двор и в сад, где они расцветали. Электричество бросило экранировать на каменную сцену так, что лишь портрет одной запрокинутой головы, что я видел бы надолбы в проруби, но не досуг было в летней пробежке по смолистому лесу с полным тезкой Гаршина было бы делать. Так звали нашего физрука по ЛФК, лечебной физкультуре.

Экран превращает неизвестную в Лотте Ленью (см. фото). Скульптура черепа в Бамберге. Гуры — горы и гурии.

Так вот, пара жестов, пара жестов, взмах руки и кивок превратили неизвестную в живое Лотте Леньино воплощение. Я вздрогнул, но не проболтался. Спускаясь в магазин мимо фигуры лица с зеленым веком и черепом, сдутым ветром, я думал, что свет гур словесных навел на все стойбище оленьих племен. Я спустился, чтобы купить часы Егорке.

Часы стоят. Вода плывет, как голова из первого абзаца. Трансляция воспоминаний. Тень — змея.

Они стояли, как вода каналов и рек, проплывающая с запрокинутой головой, как мы с сестрой хватали под скатертью пьяную и счастливую песней родню. Их прорезавшиеся глазки помнят и путешествие ко Гробу Господню пешком, и соляные копи кристаллических могил. Нужно только свежее дыхание, а не мясо, а не мясо, чтобы воспитать в себе волю вернуть их из того города за виадуком, тоннелем и призраком Маринки, что примерещился мне в оранжевой палатке дяди Льва, куда заползали змеи-тени и жалили в отпрянувший висок, насовсем.

Портрет режиссера Фелипы Сезар (о ней здесь http://ria-sibir.ru/viewnews/42385.html). Ее фильм в Бамберге — Карта Африки — как пятнистая корова. Соляная гора. Солнечный крест — в кинокамере. Кареты камер — летающая комната, перемещение во времени и в пространстве. Прыжок из смерти. Победа над Дьяволом. Вспышка — озарение-insight —Память вспомнена (like memory done) и готова на start.

Пришла шахматистка, которую не обыграть, не сдав карт — на которых корова-пеструшка Африки, что снится сухим мухам за рамами во время шествия краснозеленых знамен

и полков. Она показала солнечный крест, рассекающий солекопню, и шляпой накрыла несуществующих героинь. Она сфотографировала все кареты камер, из которых был возвратный прыжок. Она объяснила мне, как под солнцем Сатаны спеть о новой встрече равнобедренных четырехугольников, которые разбили дьявольский круг предметов. Морское дыхание дельтообразной руки рассекло надвое полушарие вспышки memory remembered.

14 october–7 november 2010

СТРУЙКА ПЕСОЧНЫХ ЧАСОВ

На утро второго дня здесь я был разбужен скрежетом стройки. Сначала я подумал, что хотят строить большие песочные часы — но оказалось, что это детская площадка без загородок. Дети окружали меня толпой, маршируя в свой садик или первый класс, организованной толпой проходя на светофор — желтые, синие, красные их одежды весело сверкали. Их улыбки словно были на пятернях листьев, что только начинали осыпаться.

Велосипедисты не отстают — с открытыми глазами и думая о своем, проносятся девушки, успевая следить за дорогой. Периодически разъезжают сирены пожарных и скорых, они спешат по вызовам, а иногда просто опаздывают на обед.

Тонкие негритянки откаблучивают ножкой, двигаясь мне навстречу. Человек, похожий на Эсейбио, умный и грустный раскрывает газету в урочное для себя время в вагоне метро, возвращаясь с работы или стремясь на ночную смену.

Девушки мечтают в барах, показывая свою спящую красоту. На рыночках людно в вечерние часы, здесь пробуют вина, пряности и сласти. В зоологическом саду на центральной площади останавливается время и звери нюхают ботинки прохожих.

На подъеме из подвала от черных мусорных баков посто-

янно натыкаюсь на деревянного идола колонны, которую можно принять за тень человека. На углах аскают мелочь, начиная со слов kann ich fragen? Сегодня это маленький старенький панк, он начинает издаля нараспев, а потом просто скребет себя пальцами.

Старики ходят парами в парке, женщина в плащике виснет на муже, как обнова, так что становится тесно. Они уходят к солнцу, забираясь на холм, усеянный листвой. Там же скатывается кувырком девочка, играя в воображаемую затею.

Возле магазина молодой человек с ирокезом в плаще начинает по-коровьи бренчать серьгами и кружками, гундося нелепый мотив. Вьетнамец, которого каждый день обнаруживаешь на выносном стульчике у кофеюшки, разговаривает сам с собой.

Коровы, пасущиеся на стене дома, топчут граффити Weltrevolution. Мужик в дождевике ведет такую же мокрую понурую собаку.

Статуи амурчиков держат на плечах щербатую рыбину. Дети повсюду, они населяют парки, улицы и площадки — где ползают по брусьям, таким, как обмытые морем коряги, соревнуясь каждый в своем лабиринте.

Солнце красит соседний дом в светлые тона. Над парком, где голые деревья чернеют ветвями, слышны голоса. Они сходятся в одной точке верхней площадки, а потом глохнут в сумерках и разбредаются поодиночке.

В комнате, где я сижу — на полах татарские ковры, джезвы и фонарики с орнаментом, а на стене шкатулка, на которой Распятый на футбольном круге.

Вчерашние газеты будут ждать прочтения 10 лет. Кажется, что здесь и так прошло полжизни, так что время уже не покажется таким долгим.

Живые фигуры моих друзей с хороводом фонариков-кубышек прошествовали со мной по потемкам квартиры, по лестницам и площадям и уводят свое куражное шествие в новые комнаты, где зажгутся новые лампы и разобьются новые тарелки, заговорят новые голоса и растают старые морщины.

А пока еще неделю я буду спускаться по лестницам этого города и проходить мимо здания тюрьмы-водокачки, где кто-то расстрелял из пистолета стеклянную доску памяти жертв нацизма.

ПРИМЕЧАНИЯ

В выпуске представлены произведения Виктора Іваніва (1977–2015), которые, будучи уже законченными, а иногда и опубликованными, впоследствии были снабжены авторскими комментариями. Эти разъяснения, данные по тем или иным поводам, отличаются друг от друга как характером сообщаемых в них сведений, так и разностью использованных для этого стилей и средств. Добавленные к произведениям (а в некоторых случаях уместней говорить — в произведения) комментарии разнятся в диапазоне от стиховедческой и реальной справки к стихотворениям в «Подборке для Permanent Winter» до органичной части, создаваемого с их помощью нового произведения, имитирующего лирический дневник в «Начале порноромана»; от служебных ремарок, рассекающих предназначенные для перевода тексты рассказов в цикле The Automnic stories до фотоиллюстраций, расставленных по «Дому грузчика», декорированного еще и постраничными сносками. Состав, комбинации и варианты оформления этих текстов, разумеется, факультативны и вряд ли могут претендовать на место в основном разделе регулярного собрании сочинений Іваніва, этапом подготовки которого является данный выпуск. Но впервые публикуемые на его страницах самостоятельные тексты или их единства, в том числе и с уже известными читателю произведениями, добавляют пункт-другой к представлениям о генетике и вариативности единиц Іванівского корпуса и их взаимосвязях с соседними и отдаленными соответствиями в нем.

НАЧАЛО ПОРНОРОМАНА

Редакционное название повторяет экстразаглавие, введенное автором в поле для темы поста в «Живом журнале», содержащего первую из трех частей публикуемого текста и, видимо, относящегося только к ней. Текст в роде донжуанского списка, монтажный прозиметр, в котором предваряемые как бы дневниковыми записями акростихи дают лирическую эссенцию их содержания.

Полностью публикуется впервые. Стихотворение «Минутами казалось что любим...» с названием «Сонет (почти)» — одно из пяти первых опубликованных стихотворений Виктора Іваніва. Эти стихи под псевдонимом Семен Нелыжник были напечатаны в газете[1], выпускавшейся редакционно-издательским центром «Рассвет» при новосибирской школе-гимназии № 42, в которой поэт учился. Там же был издан и его первый поэтический сборник[2] — стихотворение вошло в него под названием «И только им», с двустрочным посвящением «Тем, кто смотрит сверху вниз / И только им». Источников для двух других стихотворений, оформленных до их включения в «Начало порноромана», не обнаружено. Стихотворение «Из пальца брали кровь он онемел...» с надписью «Старый акростих И.К.» известно по позднейшему посту в «Фейсбуке» (fb 11.07.2013 14:47). Текст как связное целое впервые был представлен автором в трех следующих один за другим постах в «Живом журнале»: lj 01.12.2005 17:14 — экстразаглавие «начало порноромана», первый прозаический фрагмент и стихотворение «Минутами казалось что любим...»; lj 01.12.2005 22:35 — стихотворение «На замерших губах последний поцелуй...» с экстразаглавием «продолжение»; lj 02.12.2005 20:56 — экстразаглавие «продолжение опуса», третий прозаический фрагмент и стихотворение «Из пальца брали кровь он онемел...» Отсутствующая в «Живом журнале» прозаическая подводка ко второму стихотворению, очевидно, была создана немногим позже — через десять дней все три стихотворения с предваряющими их прологами были сведены в единый неозаглавленный текст, сохраненный в отдельном файле, принятым здесь основным источником: *PORNO.doc* (12.12.2005 20:37–20:44).

Учитывая обыкновенную для Іваніва практику размещения новых текстов в социальных сетях в самое непродолжительное время после их сочинения, прозаические фрагменты «Начала порноромана» следует датировать первыми числами января 2005 года. Есть сомнения относительно датировки второго и третьего стихотворений.

52

1 Ярило 1993, с. 7.
2 День космонавтики 1994, с. 19.

Первая мысль — приблизить ее ко времени сочинения стихотворения «Минутами казалось что любим...», с точностью до года известному по его первой публикации. Такое решение подкрепляется прецедентом другой Іванівской серии из трех школьных акростихов, написанных буквально в один присест[3]. В пользу этого может свидетельствовать и надпись «Старый акростих И.К.», добавленная к «Из пальца брали кровь он онемел...» при его размещении в «Фейсбуке». Но очевидно, что в рассказанной в трех стихотворениях и подводящих к ним прозаических фрагментах истории дан распределенный во времени опыт, отражающий взросление героя, которое вряд ли могло стать предметом ретроспекции в шестнадцатилетнем возрасте. В тоже время представление об авторе, положившим себе за правило сочинять на каждую новую возлюбленную акростих и неуклонно его исполнявшим, по крайней мере, в двух, следующих за первым, случаях, кажется малоправдоподобным.

Аргументы против датировки всех трех стихотворений в компактном интервале около 1993 года дает и состав постов, содержащих тексты «Начала порноромана», и режим их появления в «Живом журнале». После публикации поста с первым стихотворением и прологом к нему, проходит более пяти часов, прежде чем появляется пост, в котором только второе стихотворение — без ожидаемого пролога. Есть все основания предполагать, что, в отличие от первого поста, для второго у Іваніва не было готового стихотворения — вместо того, чтоб заниматься подводкой к нему, а потом просто набрать старый текст, ему пришлось его сочинять. Возможно, пародирование собственной довольно безыскусной манеры двенадцатилетней давности оказалось не такой уж простой задачей, и когда поэт с ней все же справился, то тут же дал вновь написанные стихи, оставив прозаический пролог к ним на потом. На следующий день появляется пост с третьим прозиметрическим блоком, вероятно, за истекшие сутки написанным. Таким образом, не вдаваясь в сравнительный анализ поэтических достоинств каждого из трех стихотворений, кажется уместным

3 Автограф с пока не публиковавшимися акростихами «Олегу», «Игорю Р.» и «Мише Чайке» хранится в личном архиве Филиппа Третьякова.

предположить, что два последних из них являются позднейшей имитацией первого — действительно, по горячим следам сопровождавшего описанные в нем романтические перипетии. Что касается надписи к стихотворению в «Фейсбуке», то эпитет «старый», адресуемый из 2013 года, разве что совсем чуть-чуть менее уместен в применении к тексту 2005-го, чем к тексту, написанному в 1993-м. Также нельзя исключать и исходное намерение автора мистифицировать читателя как во время сочинения этих стихов в 2005-м, так и в репосте одного из них в 2013-м.

Планировалось ли Іванівым продолжение «порнороман», неизвестно — в определенном смысле и при желании весь корпус Іванівских текстов можно рассматривать сквозь призму его «начала». Мотивы записи, предваряющей первое стихотворение, были использованы автором в повести «Курево»[4]. Подводка к третьему стихотворению впоследствии была дважды опубликована под названием «Две комнаты — смеха и страха»[5]. Само же устройство монтажного произведения, напоминающее разо провансальских трубадуров, было еще не раз варьировано поэтом, например, в рассказе «Дневник наблюдений»[6], давшем заглавие целому сборнику малой прозы.

ПОДБОРКА ДЛЯ PERMANENT WINTER

Текст печатается по файлу *podborka-eng1.doc* (01.03.2006 10:18), содержащему десять стихотворений[7] с комментариями, в которых разъясняется их метрика, а также раскрываются локальные реалии и происхождение некоторых образов, в них явленных. Файл был подготовлен Виктором Іванівым для проекта Permanent Winter: New Poetry from

4 Конец Покемаря 2017, с. 51–52.
5 Новая юность 2010, Дневник наблюдений 2011, с. 42–43.
6 Дневник наблюдений 2011, с. 65–76.
7 Другие источники стихотворений, вошедших в «Подборку»: Hymn. *СФ Iv pereczen`.doc* (17.12.1999 11:06) — с авт. дат. «5-е Августа 1999 года», *ivaniv.doc* (05.08.2002 18:32), *stihi.rtf* (24.11.2002 17:12), *IVANOV2.doc* (23.02.2003 20:58–21:07), *Corpora corporationis.doc* (19.01.2003 13:09–30.03.2003 12:18), *forMorev.doc* (05.03.2004 22:56), *стеклянный человек.doc* (16.06.2004 11:51–30.09.2004 18:18), *kniga_verses.doc* (13.04.2005 18:50); Драгоманъ Петровъ 2001, Крещатик 2001, Университетский проспект 2002, Неофициальные страницы 2002, XXI поэт 2003, Стеклянный человек 2006, Lirikline 2011 — стих 12: «завернут был Марат: как — путать мать с отцом», на аудиозаписи авторского чтения стих 12: «завернут был Марат: как — путать мать с отцом», стих 24: «в нижних чинах кто бережлив тот и пуглив», ПМВ2 2021. Камера. СФ ivaniv.doc (05.08.2002 18:32), *stihi.rtf* (24.11.2002 17:12), *IVANOV2.doc* (23.02.2003 20:58–21:07), *forMorev.doc* (05.03.2004 22:56), *стеклянный человек.doc* (16.06.2004 11:51–30.09.2004 18:18), *kniga_verses.doc* (13.04.2005 18:50); Уральская новь 2001, Университетский проспект 2002, Город Виноград 2003, Неофициальные страницы 2002, XXI поэт 2003, Девять измерений 2004, Стеклянный человек 2006, Lirikline 2011 — стих 22: «утра другого я плел сквозь аляповатые блики», Чумной Покемарь 2012. Чего только не услышишь на улице. СФ *ivaniv.doc* (05.08.2002 18:32), *stihi.rtf* (24.11.2002 17:12), *IVANOV2.doc* (23.02.2003 20:58–21:07), *forMorev.doc* (05.03.2004 22:56), *стеклянный человек.doc* (16.06.2004 11:51–30.09.2004 18:18), *kniga_verses.doc* (13.04.2005 18:50); Футурум Арт 2001 — стих 2: «Глафиру Андревну», стих 6: «посмотрится в зеркальце, понюхает табака и мака», стих 19: «по-моему, просто стали дни коротки», Драгоманъ Петровъ 2001, Крещатик 2001, Черным по белому 2002, Неофициальные страницы 2002, XXI поэт 2003, Стеклянный человек 2006. «Янусик, привет. Я сижу тут и грушу. Или дую на воду...» СФ *ivaniv.doc* (05.08.2002 18:32), *stihi.rtf* (24.11.2002 17:12), *IVANOV2.doc* (23.02.2003 20:58–21:07), *Corpora corporationis.doc* (19.01.2003 13:09–30.03.2003 12:18), *forMorev.doc* (05.03.2004 22:56),

Siberia. Полтора года спустя поэтическую антологию с таким названием выпустило британское издательство Smokestack Books, известное своими рейдами в экзотические литературы. В книгу[8] вошли стихотворения пяти поэтов[9] из Кемерова и Новосибирска, переведенные на английский Олегом Бурковым под редакцией Яны Глембоцкой.

Корпус, представленный в этом разделе — оформленный автором свод, включающий отобранные для проекта стихотворения и приданную к ним техническую документацию или инструкцию по обращению со сложноустроенными текстами в обстоятельствах их перевода. В статье, посвященной памяти Виктора Іваніва переводчица Энсли Морс констатирует: «Большую часть его произведений я так и не осилила, и теперь (После смерти Іваніва. — *Ред.*) эта задача значительно осложнилась — опыт перевода Витиных вещей показал мне, что без консультации с автором некоторые детали так и останутся неразгаданными»[10]. Определение текстов Іваніва, как энигматичных или герметичных — общее место в исследованиях, посвященных его творчеству. И если ученые филологи порой не шли дальше самой фиксации, то ответственным редакторам, занятым подготовкой текстов Іваніва к печати, надлежало доискиваться до реальности, стоящей за этими дефинициями как минимум по долгу службы. А самыми решительными и последовательными в своем стремлении разобраться, что в тексте означает то или это, были переводчики, чья успешная работа «если не невозможна без участия автора, то все-таки сильно от него зависит. Витины тексты желательно читать с пояснениями автора, и не дай бог еще переводить. А Витя всегда охотно помогал»[11].

Когда участникам антологии было предложено ответить

стеклянный человек.doc (16.06.2004 11:51–30.09.2004 18:18), *kniga_verses.doc* (13.04.2005 18:50); Драгоманъ Петровъ 2001, К востоку от солнца 2002, Вавилон 2002, Неофициальные страницы 2002, Кто здесь 2003, XXI поэт 2003, Стеклянный человек 2006, К востоку от солнца 2009, ПМВ2 2021. «Что до него чревато травмами...» ОФ *traum.doc* (29.04.2004 10:36); СФ *стеклянный человек.doc* (16.06.2004 11:51–30.09.2004 18:18), *kniga_verses.doc* (13.04.2005 18:50); Рец 2004, Стеклянный человек 2006. Смерть Искандра. СФ *Julid.doc* (02.02.2003 8:02) — под названием «На смерть Искандра», *IVANOV2.doc* (23.02.2003 20:58–21:07) — под названием «На смерть Искандра», *CHASTE2.doc* (24.02.2003 7:22–18:24) — без названия, без посвящения, стих 1: «Вот царева глава лежит на траурном помосте», *forMorev.doc* (05.03.2004 22:56), *стеклянный человек.doc* (16.06.2004 11:51–30.09.2004 18:18), *kniga_verses.doc* (13.04.2005 18:50); К востоку от солнца 2003, Стеклянный человек 2006, К востоку от солнца 2009. Во всех указанных выше источниках, кроме *CHASTE2.doc*, с авт. дат. «1 февраля 2003». ПМВ2 2021 — в редакции *CHASTE2.doc*. «Если этот человек на вас не обернется...» ОФ *prize-rak.doc* (07.05.2004 13:46); СФ *стеклянный человек.doc* (16.06.2004 11:51–30.09.2004 18:18), *kniga_verses.doc* (13.04.2005 18:50); К востоку от солнца 2003, Стеклянный человек 2006, К востоку от солнца 2009. «Когда за теллурической луной...» lj 04.02.2006 20:37 — с экстразаглавием «стишок на день рождения Ю.»; Стеклянный человек 2006. Календарь. lj 12.12.2005 21:34 — с экстразаглавием «oldies»; СФ podbor.doc (15.12.2005 19:20–20:14) — под названием «Сезар»; Драгоманъ Петровъ 2005 — под названием «Сезар», Стеклянный человек 2006. «я встретил Ангела на улице Правды...» lj 20.04.2005 12:08; Стеклянный человек 2006.

8 Permanent Winter 2007.

9 В порядке следования: Сергей Самойленко, Игорь Лощилов, Игорь Давлетшин, Максим Уколов, Виктор Іванів.

10 Post(non)fiction 2016.

11 Там же.

на возникшие у редакции вопросы, Іванів, вполне отдававший себе отчет о сложностях, ожидающих команду проекта в работе с его текстами, не ограничился требуемым минимумом разъяснений, а предъявил методичную сводку, в которой четкими формулировками раскрывалось устройство его стихотворений и прояснялись темные места в них. Такая работа выполнялась им не впервые. Наряду с системной рефлексией по поводу генезиса своей поэтики, выраженной в манифестах, предисловиях к публикациям или в интервью, частный автокомментарий разрабатывался Іванівым как особый жанр, органично в эту поэтику вписывающийся. Хороший пример тому, а, возможно, и прототип комментариев в «Подборке» находится в опубликованном за год до ее составления венке сонетов «Празднование Нового года в Городе Затон» [12], в котором каждое из шестнадцати стихотворений сопровождается разъясняющим его содержание довольно распространенным субтитром. По сравнению с комментариями в «Подборке», в нем недостает разве что стиховедческой справки. Впрочем, в Permanent Winter она осталась невостребованной ни переводчиком, сделавшим «подстрочные, нерифмованные» [13] переводы, ни издателем Энди Крофтом, который «опираясь на ответы на вопросы, им заданные» [14], составил краткие Notes — двенадцать пунктов, по одной-двум-трем, а в паре случаев немногим больше строкам каждый на двух страницах издания. Половина из них относится к шести из десяти опубликованных стихотворений Іваніва и представляет собой сильно сокращенную и, видимо, актуализированную для британского читателя реальную часть комментариев, написанных поэтом. Стихотворения с комментариями, в своей полноте оказавшимися избыточными для целей проекта, публикуются здесь не только как уникальный документ — проводник в дальнейших исследованиях поэтики и прагматики творчества Виктора Іваніва, но и в качестве вновь открываемого эстетически значимого художественного единства.

12 Дети Ра 2005. Ср. с публикацией без комментариев в составе сборника Стеклянный человек 2006 (с. 77–83).
13 Частное сообщение Олега Буркова (04.09.2023).
14 Частное сообщение Яны Глембоцкой (04.09.2023).

Публикуется по двум постам в «Живом журнале»: lj 25.11.2009 23:03, в котором только название стихотворения, а вместо собственно текста оставлена запись «см. выше», отсылающая к lj 01.12.2009 19:39, содержащему текст стихотворения без названия, но с иллюстрациями и комментариями в сносках. Дата первого из них близка ко времени завершения работы над стихотворением — пост от 25 ноября не был создан исключительно ради размещения в нем двух слов названия, в нем было представлено все сочиненное накануне стихотворение, которое позже Виктор Іванів решил прокомментировать в смешанной технике. Когда это было сделано, и автор поделился результатами работы в посте от 1 декабря, спойлер недельной давности был удален.

Стихотворение было написано под впечатлением состоявшегося накануне новоселья Павла Розанова в знаменитом в Новосибирске «Доме грузчиков» [15], проведенного Іванівым в компании художника Андрея Кузнецова, поэта Антона Сурнина и нового хозяина квартиры. Как вспоминает Кузнецов [16], между ним и Сурниным завязался конфликт «из-за правых взглядов» последнего, на которые обозленный Кузнецов ответил: «Что не анархия, то — фашизм», а Іванів поддержал Кузнецова. Разыгранная друзьями «пря Аники-воина со Смертью», контаминированная с важной для Іваніва темой переживания чужой жизни, жертвы и смерти как своей получила выражение в тексте «Дома грузчика», отрицающем приоритет нормальности для людей, слов и стихов.

Состоявшиеся на вечеринке прения были продолжены несколько дней спустя в комментариях под первым постом с сугубо текстовой, впоследствии удаленной, версией стихотворения. По ее итогам в надежде восстановить потерянное между друзьями взаимопонимание, залог которого он видел и в верной интерпретации ими только что написанного стихотворения, Іванів «потратил 4 часа на то, чтобы как-то прояснить этот текст» в его иллюстри-

15 «Дом грузчиков» (Новосибирск, ул. Фабричная, 6) — многоквартирный жилой дом, построен в 1936–1937 гг. по проекту Клавдия Осипова. См. о нем, например, здесь: https://ngs.ru/text/realty/2015/08/25/2240223/.

16 Частное сообщение Андрея Кузнецова (07.09.2023).

рованном репосте[17]. В серии фотографий с вечеринки[18] есть портрет Іваніва с пластиковым стаканом на голове, изображающего артиста Юрия Цурило, водрузившего себе на голову стакан горячего чая в кинофильме Алексея Германа «Хрусталев, машину!» Вполне возможно, что эти изображения, связанные с ключевым для финальной части стихотворения образом полупустого стакана водки, вырывающего душу жизни, подтолкнули поэта к идее разгерметизации текста при помощи иллюстраций и внешних ссылок.

Дальнейшее бытование «Дома грузчика», включенного в многочисленные демоподборки и книжные проекты[19], впервые опубликованного в составе сверхповести «Гальваническая болванка»[20], вошедшего в книгу поэтического избранного и озаглавившего его[21], не было связанно с картинками и сносками. Но опробованный по частному поводу способ представления текста в сопровождении иллюстрированного ревю впоследствии был использован Іванівым в нескольких публикациях на платформе post(non)fiction[22], хотя и в куда более сдержанной манере.

THE AUTOMNIC STORIES[23]

Основной источник публикации — файл *automnic.doc* (24.07.2011 18:59–19.09.2011 16:36), содержащий название цикла и шесть рассказов. Тексты первых пяти из них рас-

17 Оба поста получили многочисленные, по меркам журнала Іваніва, отклики, что, может, и не стоило бы отдельного упоминания, но кажется интересным уже в социологическом аспекте. К тому же в пространном и эмоциональном ответе на один из впоследствии подтертых комментариев с темой «Буря в стакане» к посту lj 01.12.2009 19:39 Іванів проявил существенные для понимания истории создания и устройства «Дома грузчика» детали: «Я собирался писать этот текст, посвященный въезду в новую квартиру и началу новой жизни друга, еще до пьянки. Но я не знал, что он получится таким. Я наблюдал за всеми и за собой со стороны и услышал вещи удивительные, от которых волосы встают дыбом. Я никому не мстил, обдумывал этот текст 5 дней, и потом выстраивал его, писал, как в бреду. Я увидел лучшего, верного друга вдруг, в одной вспышке, но во временном переживании. Дал ему самые достойные, на мой взгляд, эпитеты (оттрубившего солдата, сжигающего тление), но вложил в уста героя речь, которую он сам произнес и которой я хотел бы выдернуть из реальности душу жизни, потому что от этих слов во мне все перевернулось, отнюдь не в веселом ужасе. И это были слова среднестатистического нормального человека, самые что ни на есть фашистские слова». И далее: «Как устроен этот текст: на четырех словах: шапка, стакан, пожарный петух, изба. Человек, о котором идет речь, разбился в лепешку, растоптал свою голову (есть ведь фабрика, которая делает все кепки и головы на свете), положил себя на стол, поставил на стол стакан (стол, стакан, шкаф и кафтан — частые мотивы поэта А. Сурнина) и вырвал из себя душу вместе с идеями нормы и настоящей мерзости».

18 lj 23.11.2009 19:02.

19 ОФ для «Дом грузчика» не обнаружен; СФ: *sverhpovest.doc* (30.04.2010 11:28), *pelaD.doc* (25.01.2011 17:45–08.03.2011 15:00), *tom4.doc* (14.06.2011 20:25), *KuriyTabacu.doc* (20.11.2011 21:39), *подборка.doc* (28.01.2012 20:42–01.02.2012 13:32), *perMaximo.doc* (29.04.2012 19:07–19:12), *по годам.doc* (11.06.2012 20:04), *Нежный май стал вдруг горшим из празднеств.doc* (13.06.2012 14:32–17:35), *пдф стихи.doc* (15.10.2012 19:05), *сборник next version.doc* (11.11.2013 22:09), *сборник-прочищенный.doc* (22.09.2014 6:53), *Иванив.rtf* (25.09.2014 00:33).

20 Союз писателей 2011.

21 Дом грузчика 2015.

22 Post(non)fiction 2015, см. например, повесть «Эпизод на ветрине» или сценарий «Про арбуз».

23 Русскоязычному читателю название цикла должно быть известно, прежде всего, как озаглавливающее один из разделов книги избранной прозы (Чумной Покемарь 2012, с. 247–322), в который вошло сорок коротких рассказов — практически все написанное Іванівым к тому времени в жанре, не считая нескольких ранних опытов и текстов, уже опу-

сечены авторскими ремарками[24], уточняющими статус рассказчика, называющими прототипов персонажей, разъясняющими идиоматику и источники тропов. Датирующий интервал 14 october–7 november 2010, проставленный автором под текстом пятого рассказа, относится и ко всем рассказам, стоящим выше. Ранее цикл из тогда только пяти рассказов, написанных Виктором Іванівым в Берлине[25], был собран в файле *прозатоpe.doc* (20.10.2010 18:03[26]). Шестой номер цикла — рассказ «Струйка песочных часов», скорее всего, написан тогда же[27], но в его состав был включен позже[28]. Возможно, этот физиологический очерк был добавлен автором во время сочинения и расстановки по тексту пояснительных ремарок, которые должны были помочь Хендрику Джексону в переводе рассказов на немецкий язык — в качестве контрапункта. Во всяком случае, это единственный рассказ в файле, в тексте которого ремарок нет, что, впрочем, может быть связано со сравнительной простотой для перевода данных в нем немецких городских зарисовок.

Вот что написал в своем предисловии к The Automnic stories, вышедшими отдельным изданием[29], сосед Іваніва по берлинским апартаментам, исследователь и переводчик латинских текстов Фридриха Ницше Кристиан Воллек: «Тексты Іваніва трудно постигаемы, что объясняется их постоянным шараханьем между точным, почти педантичным описанием и совершенно беспрецедентной лингвистико-семантической анархией»[30]. Что ж, это еще одна из возможных формулировок, описывающих стилистику

бликованных в томике малой прозы (Дневник наблюдений 2011). Но каламбурное название The Automnic stories, скорее всего, было придумано специально для переводного издания, пусть и состоявшегося значительно позже выхода «Чумного Покемаря». В последний оно было взято, видимо, по инерции или как наиболее удачное в сравнении с двумя другими, озаглавливающими циклы, рассказы из которых в него вошли — «Ноябрьские полдники», «Поющая собачка». Или — название, как анонсирующее задуманное переводное издание, было оставлено в качестве оммажа фонду «Бранденбургские ворота» (см. примечание 25), создавшему благоприятные условия для написания пяти из сорока публикуемых в книге рассказов (Чумной Покемарь 2012, с. 248).

24 Решение, принятое для оформления подсказок переводчику, будто предвосхищает и буквализирует метафору Энсли Морс, по которой «перевод — способ рассечения текста» (см. НЛО 2012). В публикации ремарки выделены полужирным.

25 Берлинская резиденция Іваніва, во время которой были написаны рассказы, составившие цикл The Automnic stories,была организована немецким поэтом и переводчиком Хендриком Джексоном в рамках программы культурного обмена Das Literarische Tandem der Stiftung Brandenburger Tor, по которому Джексон уже в третий раз посетил Новосибирск, а Іванів впервые оказался в Германии. Это сотрудничество не было случайным — заочно поэтов познакомил Сергей Бирюков еще в 2003 году (см. ПМВ1 2021, с. 113), порекомендовав стихи Іваніва Джексону, готовившему материал для специального выпуска журнала Akzente, посвященного новой российской литературе, в котором впервые и были опубликованы стихи Іваніва, переведенные Джексоном на немецкий язык (см. Akzente 2003, s. 465–468). Далее Джексон всерьез увлекся творчеством Іваніва и продолжил переводить его тексты (см., например, Lirikline 2011), в свою очередь Іванів также сделал несколько переложений текстов Джексона (см., например, Манекены 2015).

26 В свойствах файла корректно отражена только дата его создания.

27 Впрочем, самый ранний из известных списков этого рассказа обнаружен только в СФ *tom4.doc* (14.06.2011 20:25), содержащем 4 том проекта «Собрания сочинений в 5-и томах».

28 Рассказ «Струйка песочных часов» не был взят и в раздел The Automnic stories «Чумного Покемаря», см. примечание 23. Первая публикация на русском языке — Конец Покемаря 2017, с. 186–188.

29 См. Automnic stories 2015. Книга в переводе Хендрика Джексона под редакцией Веры Курлениной вышла уже после смерти Виктора Іваніва и была представлена в Берлине на вечере его памяти 20 июня 2015 года (см. https://www.artrabbit.com/search?query=iwaniv).

30 Automnic stories 2015, с. 26. — *Перевод ред.*

писателя и сложности, ожидающие обратившегося к его текстам читателя. Ремарки, расставленные автором ради выпрямления пути к верному восприятию текста хотя бы переводчиком, любопытному читателю тоже могут пригодиться. 60

ЦИФРОВЫЕ ФАЙЛЫ[1]

ОФ Отдельный файл — содержит только одно произведение.
СФ Сводный файл — содержит два или больше произведений.

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ

fb Аккаунт Виктора Іваніва на сайте «Фейсбук», URL: https://www.facebook.com/ivaniv.victor.
lj Аккаунт Виктора Іваніва на сайте «Живой журнал», URL: https://mirmidon.livejournal.com.

ПУБЛИКАЦИИ

XXI поэт 2003 Іванів В. // XXI поэт. — М.: Издательство Р. Элинина, 2003. С. 25–60.
Akzente 2003 Akzente, Helf 5, October 2003.
Automnic stories 2015 Iwaniv W. The Automnic stories. Prosa. Berlin, hochroth Verlag, 2015. 30 s.
Lirikline 2011 Victor Ivaniv (Виктор Іванів) // Llirikline: Listen to the poet! URL: https://www.lyrikline.org/ru/poety/victor-ivaniv.
Permanent Winter 2008 Permanent Winter: New Poetry from Siberia. UK: Smokestack Books, 2007. — 86 p.
Post(non)fiction 2015 Виктор Іванів — сводка публикаций на сайте // post(non)fiction (28.02.2015). URL: https://postnonfiction.org/descriptions/ivaniv/.
Post(non)fiction 2016 Морс Э. Восстание, о котором грезили // post(non)fiction (11.04.2016). URL:

1 Имеются в виду файлы в формате *.doc*, поддерживаемого в Word — все файлы, содержащие тексты, вошедшие в выпуск, были сохранены в этом формате на жестких дисках компьютеров, которыми пользовался Виктор Іванів. Исключение — файл *Иванив.rtf*, содержащий итоговый список сборника Дом грузчика 2015, подготовленный и согласованный с автором его редактором Дмитрием Кузьминым.

https://postnonfiction.org/descriptions/ivmors/#sdfootnote12anc.
Вавилон 2002 Іванів В. // Вавилон: Вестник молодой литературы. Вып. 9 (25). — М.: АРГО-РИСК; Тверь: Колонна, 2002. С. 296.
Город Виноград 2003 Іванів В. Город Виноград. — М.: АРГО-РИСК; Тверь: Kolonna, 2003. 84 с.
Девять измерений 2004 Іванів В. // Девять измерений. Антология новейшей русской поэзии — М. Новое литературное обозрение, 2004. С. 250–254.
Дети Ра 2005 Іванів В. Город Затон. История о третьем человеке // Дети Ра, № (3)7, 2005. URL: http://www.detira.ru/arhiv/7_2005/ivaniv.htm.
Дневник наблюдений 2011 Іванів В. Дневник наблюдений. М.: Книжное обозрение (АРГО-РИСК), 2011. — 80 с.
Дом грузчика 2015 Іванів В. Дом грузчика. — М.: Новое литературное обозрение, 2015. — 312 с.
Драгоманъ Петровъ 2001 Іванов В. // Драгоманъ Петровъ, №3. URL: http://dragoman.narod.ru/authors/ivaniv/ivaniv.html.
К востоку от солнца 2002 Іванов В. // К востоку от солнца, №4, 2002. С. 49–56.
К востоку от солнца 2003 Іванов В. // К востоку от солнца, №6, 2003. С. 70–74.
К востоку от солнца 2009 Іванов В. // К востоку от солнца №11, 2009. С. 146–152.
Конец Покемаря 2017 Іванів В. Конец Покемаря. — М.: Коровакниги, 2017. — 404 с.
Крещатик 2001 Іванов В. Хожденье на ходулях // Крещатик, Выпуск 12, 2001. URL: https://www.kreschatik.kiev.ua/12/26.htm.
Кто здесь 2003 Іванов В. // Kto Zdes'? Новосибирский литературный журнал, 2003 (№ 2). С. 100–106.
Манекены 2015 Джексон Х. Манекены/Jackson H. Schaufensterpuppen. — Нижний Новгород: Волго-Вятский филиал ГЦСИ, 2015. — 52 с.
Неофициальные страницы 2002 Виктор Іванів. Неофи-

циальные страницы (персональный сайт). URL: http://vivaniv.narod.ru (заблокирован, доступ к материалам в файле *index0.html* от 27.11.2002).

НЛО 2012 Морс Э. Георгий Балл: Опыт переводчика // Новое литературное обозрение, № 1, 2012. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/113_nlo_1_2012/article/18514/.

Новая Юность 2010 Іванів В. Остров Кораблик // Новая Юность № 2, 2010. URL: https://magazines.gorky.media/nov_yun/2010/2/ostrov-korablik.html?ysclid=llb02ycrk403360883.

ПМВ1 2021 Іванів В. Стихотворения Ор. 1–47. — М.: Коровакниги, 2021. — 202 с. — (Подготовительные материалы к собранию сочинений Виктора Іваніва. Вып. 1).

ПМВ2 2021 Іванів В. Corpora Corporationis, или Путешествие из города Виноград в город Антон. — М.: Коровакниги, 2021. — 128 с. — (Подготовительные материалы к собранию сочинений Виктора Іваніва. Вып. 2).

ПМВ3 2022 Іванів В. Стихотворения 2015 года. — М.: Коровакниги, 2022. — 182 с. — (Подготовительные материалы к собранию сочинений Виктора Іваніва. Вып. 3).

Рец 2004 Іванів В. // Рец №21, 2004. URL: https://polutona.ru/?show=rets&year=2004.

Союз писателей 2011 ©оюз писателей, № 13, 2011, Іванів В. Гальваническая болванка (сверхповесть). URL: https://magazines.gorky.media/sp/2011/13/galvanicheskaya-bolvanka.html.

Стеклянный человек 2006 Іванів В. Стеклянный Человек и Зеленая Пластинка: Стихи. М.: Ракета, 2006. — 130 с.

Университетский проспект 2002 Іванів В. // Университетский проспект. Независимая студенческая газета, №9 (29) 27 ноября 2002. С. 11.

Уральская новь 2001 Іванів В. Город Виноград. Рассказ //

Уральская новь, № 11, 2001. URL: https://magazines.gorky.media/urnov/2001/11/gorod-vinograd.html.

Футурум Арт 2001 Іванов В. Чего только не услышишь на улице // Футурум АРТ. № 2–3, 2001. С. 21.

Черным по белому 2002 Іванів В. // Черным по белому: Альманах. — М.: ОГИ, 2002. С. 58–61.

Чумной Покемарь 2012 Іванів В. Чумной Покемарь: Собрание прозы. New York, Ailuros Publishing, 2012. — 325 с.

Ярило 1993 Семен Нелыжник // Ярило, февраль 1993, № 13.

Виктор Іванів
Начало порноромана
Подборка для Permanent Winter
Дом грузчика
The Automnic stories

Корректура *Сергей Лебедев*
Верстка *Кирилл Благодатских*
Редакция и выпуск *Алексей Дьячков*
Издательство *«Коровакниги», facebook.com/cowbooks*
Книготорг *«Медленные книги», slowbooks.ru*
Тираж *200 копий*
Печать *типография «Радуга», raduga-print.ru*

ISBN 978-5-902945-38-3

